

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

сносок на книги целиком, без уточнений, по которым данное свидетельство можно проверить (напр., Chang - Chou III); пропуски, заполнение которых явилось бы для статьи выигрышным (напр., история Ван Аньши в речи о социализме); анархическая транскрипция собственных имен, препятствующая человеку средней начитанности отождествить которое-либо из них с должным (Maetseu, вм. Mo-tzeu; Tchiangseu, вм. Tchonang - tzeu) и т. д.

Таким образом, апологет „Китайского Возрождения“, явившийся из самой авторитетной среды, не мог устоять на твердых ногах и качнулся в сторону традиционного китайского националистического самолюбования. Статья написана на модные темы и приспособлена к читателю „Revue Bleue“, но сомнительно, чтобы этот последний извел из нее убеждение в том, что в Китае сейчас происходит действительно „Возрождение“, а не перерождение в чужие формы по рецептам современной европейской культурной лаборатории.

В. А.

◆ *Henri Maspero. Etudes sur le taoïsme. Le saint et la vie mystique chez Lao-tzeu et Tchouang-tseu.* — Bulletin de l'Association Française des Amis de l'Orient, № 3, juin 1922, стр. 69—89. — Святой и жизнь в мистике у Лао-цзы и Чжуан-цзы.

В этой небольшой, но прекрасной, содержательной и отчетливо научной статье известный синолог, профессор Коллэж де Франс, Масперо сообщает свои мысли по поводу волнующего всех китаистов вопроса о сути и происхождении даосской мистики. Он не считает цивилизацию и культуру Дальнего Востока древнее вообще и в частности Лао-цзы, который, по мнению автора, „только имя“, вряд ли восходит к VI веку, как хочет предание, и, вероятно всего, относится не ранее, чем к началу или половине IV века. Однако, он ставит во главу угла китайской мистики не Лао-цзы, а знаменитую книгу Перемен, от которой, по чрезвычайно удачной характеристике ученого автора, даосы „взяли лишь большие линии“.

Самым оригинальным явлением даосской мистики проф. М. считает не теорию их, а именно практику и удачно доказывает это рядом превосходно переведенных цитат. Он сближает их с христианскими и мусульманскими мистиками, и было бы приятно эти сближения выписать, если бы не сознание громоздкости предприятия.

Необыкновенно хорошо владея терминологией, проф. М. кладет своею небольшой статьей большой камень в основание будущих поисков. А его отчетливый

приговор над смутными разговорами о тождестве и заимствовании, будто бы существующих в соотношениях даосизма с буддизмом, должен стать поучительным для очень многих. Он думает, что все эти разговоры поверхностны, а пункты сходства, замечаемые в обоих учениях, объясняются „общим фондом реального психологического опыта, на котором покоится вся мистика“. Таковы идеи иллюзорности бытия, жизни и смерти, которые совпадают с индийскими лишь поверхностно и вида заимствования, при более глубоком рассмотрении их, отнюдь не имеют.

Тем не менее, заключает статью профессор М., именно даосские мыслители подготовили китайскую интеллигенцию к восприятию новой религии, „со многих точек зрения превосходившей все то, что Китай дотоле произвел сам“.

Можно со многим не соглашаться из того, что говорит проф. М., особенно в отношении даты Лао-цзы, ставшей Конфуция в изолированное положение самостоятельного мыслителя, что очень шатко, — но надо признать, что статья, написанная без прорывов, вполне последовательно и очень объективно, является результатом большой начитанности и большого исследовательского опыта.

Очень жаль, что автор не счел пока нужным облечь свои исследования в более специальный и распространенный язык, который, конечно, не помешал бы существованию и этой его популярной статье, которой можно пожелать, чтобы она не затерялась, а для этого — чтобы журнал Общества Друзей Востока распространялся наиболее энергично.

В. А.

◆ *Ли Яньпу.* „Когда я был мальчиком в Китае“. Jan Phou Lee. When I was a boy in China. Illustrated from photographs. London. 1922, стр. 127.

Эта книжка составляет часть серии, в которую вошли воспоминания детства японца Сакаэ Иноуэ, еврея (When I was a boy in Palestine, by Mousa I. Kaleel) и серба (?) — E. Chivers Davies. После эффектных и псевдоэффектных рассказов миссионеров и миссионерок о китайских детях, можно, наконец, с большим удовольствием остановиться на этой маленькой книжке. Трудности, стоявшие перед ее автором, который говорит с аудиторией, не обязанной с ним считаться и оценивающей веши по-своему (а все-таки ты, мол, китаец — и только!), были велики. Все „странное“ можно было представить или в виде парадоксальной апологии, или же в виде брезгливого отшатывания от старого Китая, как, действительно, и поступают китайцы в своих писаниях на